

Александра Пиир

Об одной несложившейся традиции: работа с детьми в ленинградских домохозяйствах

На протяжении тридцати лет, с середины 1920-х до середины 1950-х гг., советские структуры разных уровней упорно и вполне тщетно пытались организовать работу с детьми по месту жительства, т.е. в домохозяйствах. Главной ее целью провозглашалась борьба с детской безнадзорностью. При постоянной занятости большинства родителей — на работе и трудоемким домашним хозяйством — дети были, как об этом с тревогой писали представители государственных и общественных организаций, *предоставлены сами себе*. В 1910–1920-е гг. это называли то *безнадзорностью*, то *беспризорностью*, а затем термины развели. Проблему детской беспризорности (т.е. отсутствия опеки как таковой) властям дважды, после обеих мировых войн, более или менее удавалось решать, а безнадзорность (отсутствие присмотра) продолжала оставаться массовой. Учитывая, что детских очагов, садиков и яслей было мало, для многих детей она начиналась уже в дошкольном возрасте, по крайней мере на уровне самостоятельных прогулок. Возникал вопрос о том, кто должен осуществлять надзор за таким ребенком.

До революции это отчасти вменялось в обязанность дворникам и младшим чинам полиции, но они главным образом должны

Александра Михайловна Пиир

Музей антропологии
и этнографии (Кунсткамера)
РАН / Европейский университет
в Санкт-Петербурге
alexandra.piir@gmail.com

были возвращать детей под родительский контроль. Так, «дворники отнюдь не должны оставлять без присмотра на улицах маленьких детей их дома и немедленно должны отводить их к родителям или у кого живут; не позволять играть на улице перед домами в мячи, бабки, пускать бумажные змеи, и другие подобные игры» [Права и обязанности 1855: 142]. По «Уставу о предупреждении и пресечении преступлений» «дворник обязан наблюдать, чтобы жильцы <...> детей без присмотра не оставляли бы на дворах и улицах» [Алфавитный указатель 1870: 144–145]. С 1880-х гг. приказы столичного градоначальства и полиции требуют от младших чинов полиции и дворников следить, чтобы уличные мальчишки не бросали камни в проходящие по Екатерининскому каналу пассажирские пароходы, «чтобы дети не катались на улицах на санках и коньках» [Алфавитный сборник 1886: 130; 1892: 61]. В 1890-е гг. в приказах появляются описания «несоответственных игр и шалостей» на улицах: возвращаясь из школы, дети бегают наперегонки, дерутся, бросают друг в друга камнями, катаются на салазках, гоняются за экипажами, прицепляются к ним на ходу и пр.

В предупреждение несчастных случаев от подобного поведения детей участковые пристава обязаны: 1) внушать постовым городовым иметь усиленный надзор за поведением детей на улицах и, безотлагательно прекращая всякие шалости и несоответственные игры, отправлять детей, допустивших таковые, посредством дворников ближайших домов к родителям или опекунам и 2) приказывать дворникам: а) прекращать детские шалости и несоответственные игры на улицах и тротуарах перед порученными надзору их домами и б) иметь наблюдение, чтобы на улице не были выпускаемы из квартир, без присмотра взрослых, дети в младенческом возрасте, причем таких детей немедленно возвращать в квартиры родителей или опекунов [Алфавитный сборник 1902: 143–144].

В большинстве случаев подобные предписания касаются ситуаций, когда дети находятся без присмотра взрослых на улице. Двор в них почти не фигурирует: он считается пространством, во-первых, более безопасным для самих детей, во-вторых, частным и в силу этого опекаемым (т.е. в меньшей степени требующим внешнего контроля), и, наконец, детские игры представляются *несоответственными* для публичного пространства улицы, но не для двора. На рубеже веков, помимо обычных хозяйственных объектов (дровяных и каретных сараев, прачечных, выгребов, помоек и пр.), во дворах начинают устраивать садики и детские площадки — порой совсем примитивные, как в описании Тито Коллиандера: «В углу двора росло несколько чахлах деревьев и кустов барбариса. Что-то вроде садика

и игровой площадки для малышей. Но песочницы там для них не было, только гравий, пыль и мусор» [Коллиандер 1995: 23]. Появление элементов благоустройства говорит о формировании новой, нехозяйственной прагматики двора: прогулки и игры детей непривилегированных сословий не только *считаются естественными*, но и *предусматриваются* самой организацией пространства. В больших парадных дворах, рассчитанных на жильцов среднего класса и благоустроенных наподобие сквериков, для детей могли соорудить качели, песочницу и т.п.

Между тем с конца XIX в. в обществе растет озабоченность беспризорностью детей (тогда это понятие означало отсутствие как семьи, так и родительского надзора). Образованной части общества представлялись беспризорными фактически все дети из недостаточных семей, не посещавшие школу. На этой волне начинают появляться филантропические общества — в Петербурге это «Друг детей» (1902), «Детский городок» (1910), «Детский мир» (1911) и др. — для которых главным способом борьбы с беспризорностью / безнадзорностью становятся культурно-просветительная деятельность и организация полезного досуга¹. Одним из аспектов было устройство детских площадок, клубов и очагов, где с детьми и подростками проводили игры, развивающие и обучающие занятия — в помещении или на открытом воздухе. При этом организаторы и активисты ставили две цели: профилактику детской преступности, т.е. обеспечение безопасности горожан от беспризорных детей, и заботу о них самих. Например, публикация о такой работе могла начинаться словами: «Особый суд по делам малолетних установил как аксиому, что важнейшая причина детской преступности — безнадзорность»; далее следовали рассказ о пользе проводимых с детьми занятий для их здоровья, физического, умственного и нравственного развития² и заключение: «Покройте Петроград достаточной сетью детских летних площадок, клубов для подростков — и вы в корне уьете хулиганство <...> и только тогда беспризорность, как общественное бедствие, исчезнет» [Поляхин 1916: 987, 996]. Главным было то, что досуг детей должны организовывать и контролировать

¹ К борьбе с безнадзорностью детей и деятельности филантропических обществ обращается в своей статье Катриона Келли [2004].

² «Площадка — это место, где ребенок получит прежде всего воздух и солнце; площадка поросла травой, обсажена деревьями и малыш придет на нее просто для того, чтобы полежать в тени или побегать по чистой лужайке и дать отдых своим легким, обычно вдыхающим лишь аромат выгребных ям, смрад двора, лестницы, а часто и собственного жилища» [Поляхин 1916: 990]. «Итак: во 1-х) площадка оберегает физическое здоровье будущих строителей жизни, во 2-х) площадка отнимает их от улицы на те часы, что они проводят на площадке, давая им педагогический присмотр и создавая в них путем игр и других занятий нравственный оплот против улицы» [Поляхин 1916: 995–996].

взрослые и этим оградить их, или, как обычно писали, *отвлечь, от вредного влияния улицы*¹.

Разумеется, эти мероприятия охватывали далеко не всех, кто, по мнению общественности, в них нуждался. Скажем, в Петрограде в 1915 г. существовало около 15 детских площадок, часть из них (очевидно, большая) работала только летом, и каждая обслуживала от 200 до 700 человек в день [Поляхин 1916: 989]. Остальные дети оказывались без должного присмотра родителей и руководства педагогов, входили в категорию *уличных* или *дворовых* и, соответственно, попадали в сферу надзора дворников и полиции. Один из руководителей детского клуба, сетуя на то, что «в самый разгар работы грянул гром» и клуб остался без помещения, так определяет неутешительные перспективы своих воспитанников: «Опять улица, опять дворники и городовые» [Кира-Донжан 1916: 1004].

Советская власть унаследовала (и усугубила) проблему детской безнадзорности и общие представления о том, как с ней бороться. В первые послереволюционные годы помимо прежних открывались новые детские клубы, в том числе в Петрограде, но большинство прекратило существование уже к 1921 г. из-за материальных трудностей [Пфейфер 1924: 16; Салова 2010: 152–153]. Впрочем, планы властей были несравненно шире: подобно введению всеобщего начального обучения, охватить и организовать *всех детей*. Реализовывать это стали в одно и то же время: в 1922 г. создана пионерская организация; в августе 1923 г. началась разработка плана введения всеобщего обучения; в том же году образовано общество «Друг детей» (ОДД) под руководством Комиссии по улучшению жизни детей (Деткомиссии) при ВЦИК. И пионерская организация, и ОДД должны были создавать свои ячейки на предприятиях, в школах и жилых домах. Параллельно начинается борьба с хулиганством: в 1922 г. была введена статья, предусматривающая уголовное наказание за него (проект и УК 1922 г., ст. 176); в 1926 г. состоялось показательное «чубаровское дело» и вышел циркуляр НКВД «О борьбе с хулиганством»; в УК РСФСР 1926 г. хулиганство отнесено к преступлениям против порядка управления (а не против личности, как ранее), наказание за него ужесточено до пяти лет лишения свободы.

Закономерно, что одной из главных задач работы с безнадзорными детьми, как и до революции, стала профилактика хулиганства. Профессор П.Г. Бельский, организатор Комиссии по

¹ «0-во “Детский городок Петербургской части” имеет целью содействие физическому, умственному и нравственному развитию подрастающего поколения путем предоставления ему в часы досуга здорового времяпрепровождения, отвлечения его от вредного влияния улицы и пробуждения в нем духа общественности и самостоятельности» [Нелюбов 1916: 4–5].

делам несовершеннолетних, писал об этом в сборнике «Хулиганство и преступление» следующее: «Борьба с хулиганством может быть тогда только плодотворной, когда государство и общество направят все свои силы на уничтожение корней хулиганства — безнадзорности и беспризорности детей и юношей. <...> Всю массу малолетних хулиганов можно разделить на две группы: хулиганов из беспризорных и хулиганов их безнадзорных» [Бельский 1927: 91–92]. При этом если для беспризорных более характерны воровство, грабеж и подобные правонарушения, то «среди безнадзорных 80 % чистых хулиганов» [Бельский 1927: 109]. Решать проблему детской безнадзорности и хулиганства предстояло сразу многим советским структурам. Организованная работа с детьми в жилых домах, проводимая силами или при активном участии жильцов, должна была стать частью советской повседневности.

«Друг детей»

Общество «Друг детей», образованное в Петербурге в 1902 г., не прекратило свою деятельность в 1917 г. и вело занятия с детьми по месту жительства еще до того, как она приняла государственные масштабы. Как сообщается в одной публикации, «жактовская ячейка дома № 9 по улице Достоевского в Ленинграде начала свою работу с апреля месяца 1919 года» [Беспаленко 1933: 28]. Основной проблемой для нее долгое время было отсутствие помещения и материальных средств, которые приходилось добывать «путем лотереи и других мероприятий»; получить же комнату, а затем квартиру для занятий с детьми удалось только в 1931 г. Помимо работы в доме, ячейка, самостоятельно собрав 4500 рублей, купила и оборудовала две дачи под Ленинградом для летнего отдыха 60 детей и оплатила содержание наиболее нуждавшихся. Насколько можно судить по краткому описанию, формы работы не сильно отличались от сложившихся у «Друга детей» и подобных обществ до революции: члены ОДД пытались восполнить то, чего их подопечные были лишены, — проводили развивающие занятия, кормили, вывозили на дачу¹; и для этого были необходимы внешняя поддержка и средства. Цитируемая заметка названа «Ячейке требуется помощь» и заканчивается на пессимистической ноте: без «активной помощи и широкой поддержки» общественности, жакта и районного совета ОДД детская работа в доме грозит «окончательно развалиться» [Беспаленко 1933: 28].

¹ Среди дореволюционных практик были также экскурсии по городу и в музеи, прогулки в парки и загород; надо думать, их использовали и в данном случае — хотя бы из-за отсутствия помещения первые 12 лет работы жактовской ячейки ОДД и по сложившейся в досоветскую пору привычке противопоставлять перечисленные *полезные* мероприятия *пустому и неполноценному* дворовому досугу.

В отличие от петроградского / ленинградского «Друга детей», который имел пятнадцатилетний дореволюционный опыт, новая власть и новые детские организации видели работу в жактах несколько иначе. Во-первых, ее следовало не столько *вести своими силами* (что в каждом доме было неосуществимо), сколько *организовать*, т.е. вовлечь в нее домоуправления и самих жильцов¹. На этом фоне отсутствие поддержки и пассивность взрослых и детей казались не бедой, а недоработкой. Во-вторых, главной целью должны были стать не просто полезные для физического, умственного и духовного развития занятия, социальная и материальная помощь, а перевоспитание, переделка каждого безнадзорного / неорганизованного ребенка в *советского человека*, противодействие вредному влиянию как улицы, так и семей и других возможных источников религиозных, классово-чуждых и просто «отсталых» взглядов.

Несомненно, и всероссийское, и местные ОДД в разных городах, в том числе ленинградское, стремились строить свою работу в соответствии с этими требованиями. Однако трудно себе представить, чтобы в каждом доме могла осуществляться такая работа, которая предписывалась жактовским ячейкам общества «Друг детей»:

1. *Ячейки организуют внешкольные мероприятия — детские комнаты, площадки, спортивные городки для детей, обеспечивают ежедневные часы занятий детей в клубе жакта или в помещении домоуправления.*
2. *Ячейки вербуют членов в дошкольную кооперацию.*
3. *Ячейки охраняют, защищают и организуют быт ребенка в семье, создавая посты охраны детства, тесно связанные с ближайшими школами и дошкольными учреждениями.*
4. *Ячейки организуют досуг детей через кружковую работу — фото, радио, музыку, спорт, детские стенные газеты и т.д.*
5. *Ячейки ведут борьбу с прогулами и опозданиями детей в школу, детский сад.*
6. *Ячейки организуют систематические беседы с родителями (не реже двух раз в месяц) по вопросам воспитания, гигиены, режима детворы в семье, используя живущих в доме врачей и педагогов или привлекая их извне.*
7. *Ячейки организуют занятия с детьми, отстающими по учебе.*

¹ В 1920-е — начале 1930-х гг. детское самоуправление не только активно пропагандировалось (в частности, в статьях Н.К. Крупской), но и официально предписывалось работникам школ и клубов.

8. Ячейки организуют активное участие родителей в жизни школы и детских учреждений: дежурства на завтраках, в переменах и т.п. [Низовые организации ОДД 1933: 5].

В начале той же публикации в журнале «Друг детей» (выпуском ОДД) содержится и более «жизненная» информация: в Сокольническом районе Москвы «жактовских ячеек числится 52, но сам райсовет считает 26 ячеек мертвыми, а фактически работает одна ячейка при жакте № 1038» [Низовые организации ОДД 1933: 1]. На этом фоне деятельность общества, обращенная на школы, выглядит более успешной. Судя по отчету совета ОДД Смольнинского и Октябрьского районов Ленинграда за 1929–1930 гг., охват школ был стопроцентным, тогда как жактовская работа велась в относительно небольшом числе домов, где проводили разовые мероприятия с привлечением родителей, оказывали разного рода помощь «остро нуждающимся» детям и подросткам [Отчет 1930].

Главные же усилия ОДД после его официального образования в 1923 г. были направлены на борьбу с беспризорностью, т.е. на ту цель, с которой оно и было создано; работа с безнадзорными детьми на этом фоне оказывалась менее значима. Эта ключевая задача «Друга детей», поставленная центральной властью, наряду с ужесточением методов борьбы с малолетними правонарушителями в 1935 г. и предрешила судьбу общества. 31 мая вышло постановление СНК СССР и ЦК ВКП(б), где утверждалось, что «в условиях непрерывного улучшения материально-культурного положения трудящихся» наличие в стране беспризорных детей объясняется только плохой работой местных советских и партийных органов, и ответственность за это возлагалась на председателей городских и сельских советов, родителей и опекунов [О ликвидации 1935]. Через месяц, 1 июля, другим постановлением тех же органов было ликвидировано ОДД [Друг детей 1999].

Пионерская и внешкольная работа в жактах

Занятия с детьми в жилых домах шли в рамках так называемой внешкольной работы, активно развивавшейся в 1920-е гг. В 1923-м в Москве был образован Научно-педагогический институт методов внешкольной работы, в 1929 г. при Наркомпросе создан Совет по внешкольной работе, который возглавила Н.К. Крупская¹, и начал выходить журнал «Внешкольник», получивший в следующем году новое название

¹ С 1929 г. — заместитель Наркома просвещения РСФСР.

«Организуите детвору»¹. Идеи внешкольной работы с детьми пропагандировали журналы «На путях к новой школе», «Просвещение», «Народный учитель» и др.; ее актуальность виделась следующим образом:

Воспитание ребенка — это процесс, который не может ограничиваться только одной работой в школе. Ребенок приобретает навыки, вырабатывает привычки и интересы главным образом в той среде, в которой он живет, интересы которой ему понятны, близки и в которой он большую часть своего времени проводит. Отсюда ясно, что если мы заинтересованы в воспитании гражданина советской республики, будущего строителя социалистического общества, мы не можем пройти мимо так называемого большого педологического процесса, процесса воспитания ребенка в домашней обстановке, во дворе, в жакте [Бухбиндер 1928: 57].

Главные надежды в осуществлении воспитательного процесса «во дворе» возлагались не на ОДД, а на педагогов-внешкольников и пионеррию. Один из авторов ленинградского журнала «Просвещение» отмечает, что работа в жактах «Друга детей» заключается главным образом в оказании «материальной помощи нуждающимся детям», «открытии и обслуживании детских комнат», которые охватывают «дошкольный и в лучшем случае младший школьный возраст» и «имеются далеко не всюду». Вместе с тем «самой безнадзорной и неорганизованной частью детского населения» являются подростки 12–15 лет, что «заставило Ленингр. обл. бюро ДКО² <...> обратить самое серьезное внимание пионерских баз на работу среди детворы жактов» [Арш 1928: 50].

В 1925 г. в журнале ленинградских пионеров «Новый Робинзон» (№ 9) появились сразу три заметки с соответствующими названиями: «Работа во дворе», «Вместо “орла и решки” в пионерские клубы», «Из дворовых ребят — в отряд». По утверждению одного из авторов, чтобы предупредить беспризорность, «надо каждому пионеру взяться за дело. <...> Работа во дворе должна заключаться в играх, беседах, спортивных упражнениях, песнях, маршировке и т.д. Отряд должен научить ребят издавать домовую стенгазету. Через жилтоварищество добиться выписки для ребят газеты “Ленинские искры”, журнала “Новый Робинзон” и т.п. Вся работа в детском уголке должна проводиться под непосредственным руководством пионеров и комсомольцев, живущих в доме» [Старостин 1925: 27, 28].

¹ 1929–1935 гг., орган Главсоцвоса (с 1930 г. — Наркомпроса) и ЦК ВЛКСМ.

² Детская коммунистическая организация.

Заметки были опубликованы в поддержку уже начавшейся пионерской работы. Весной того же 1925 г. «отряды завода “Красный треугольник” делают первые робкие вылазки во дворы рабочих жактов Ленинграда. Новая свежая струя веет во дворах и на площадках. Бесцельному озорству, хулиганству, ругани, орлянке пионеры противопоставили экскурсию, разумную игру, книгу и труд. <...> Осенью десятки пионерских звеньев ринулись в бой за организованный и культурный быт детворы жактов» [Данилов 1930: 3]. В марте 1929 г. прошла первая конференция пионеров, которые на тот момент вели культурно-политическую работу в 157 жактах Ленинграда. Ее участники призывали присоединиться к ним все пионерские отряды и школы своего и других советских городов [Данилов 1930: 4], а состоявшийся в сентябре того же года первый всесоюзный пионерслет выдвинул лозунг «Оборудуем дворы для занятий детворы!» [Кордес 1935: 24].

В поддержку этих начинаний с 1930-х гг. выходят публикации о детской работе в жилых домах — от коротеньких заметок до брошюр, в том числе инструктивно-методические тексты. Иногда их адресатом являются пионеры, но чаще абстрактные советские активисты. Обычно авторы дают практические рекомендации, как организовать работу с детьми в жактах, избежать обычных трудностей и т.д., и / или описывают конкретные случаи и достижения (нередко собственные), которые должны послужить примером для других. Помимо единых целей и задач, которые, очевидно, спускались сверху, для этих текстов (опубликованных в разных городах, от Архангельска до Ялты) характерно общее отношение к двору и дворовому социуму¹. Городской двор в них предстает как своего рода *проводящая среда*: сюда легко проникают нормы и практики низового и криминального мира, и через нее ребенок может к этому миру приобщиться. Иными словами, двор представляет опасность для детей и подростков, благодаря своей *медиативности*.

В этом плане не меньшее беспокойство авторов вызывает «классово-чуждое» влияние двора: распространение «традиций старого быта», мещанства, религиозных взглядов, суеверий, антисоветских слухов и т.п. Безнадзорный ребенок во дворе оказывается открытым для проникновения разного рода «чужого», которое таится в «жактовских закоулках». Чтобы этому противостоять, необходимо взять под контроль быт детей вне школы, заполнить свободное время и сознание юных советских граждан соответствующими занятиями и идеями

¹ Среди обнаруженных мною материалов к Ленинграду относятся немногие. Тем не менее далее я привожу примеры, в которых описана работа с детьми в жактах и в других советских городах (более всего в Москве), поскольку региональная специфика в них практически не проявляется.

и таким образом сделать их недоступными чуждому советскому образу жизни воздействию.

Упорная работа школы и пионерского отряда по перевоспитанию детей в значительной мере идет насмарку благодаря разлагающей обстановке жактовского двора. Традиции старого быта, последовательно изживаемые в школе, отряде и клубе, крепко пока еще держатся во дворе большого дома и получают часто свое наиболее антиобщественное выражение именно здесь. Возьмите пьянство, бытовую распущенность, скандалы, семейные дразги, выносимые во двор, обывательские пересуды и «кухонные» конфликты, становящиеся достоянием всех жильцов, и вы убедитесь в том, что старый быт еще господствует в жактовских закоулках. Осколки царской России — бывшие генералы, купцы, лавочники, а с ними и ущемленные советской властью нэпманы, кулаки и попы утешают себя, распуская слухи о голоде, о войне, о восстаниях кого-то и где-то против большевиков и т.д. и т.п. Эти людишки обрабатывают и детей. И часто не без успеха.

Двор жакта — это центр самостоятельной жизни ребенка, где он не связан уставом, никому не подконтролен и обогащается новыми впечатлениями. <...> В поисках необременительных занятий он входит в компанию с детьми, часто крайне озорными и распущенными и, предоставленный сам себе, портится, усваивая дурные замашки. <...> Дурное влияние двора и классово-чуждое воздействие на детей нужно парализовать развитием широкой сети внешкольных организаций, продлением дня в школе, организацией детских клубов, спортивных городков и экскурсионных станций, что пока в полной мере не может обеспечить государство. А главное — необходим массовый поход пионеров во двор, эту крепкую цитадель старого быта [Данилов 1930: 5–7].

В соответствии с нормами советской риторики работа в жактах представляла как борьба за досуг и сознание детей и подростков — уже захваченные воображаемым противником рубежи, которые следовало у него отбить. «Шахматы и шашки вступили в единоборство с “орлянкой” и “пристенком”», стрелковый кружок — с рогаткой, клумба — с помойкой, «коллективные» праздники — с «семейными» (елкой и именинами), детская стенгазета — со всеми враждебными проявлениями сразу. Сами занятия с детьми необязательно были идеологизированы, они могли включать привитие гигиенических навыков, приучение к труду, помощь в учебе, развивающие занятия (кружки, игры, соревнования, экскурсии). Но были и пионерские по духу и форме мероприятия, «беседы» на политические темы. «Правильно поставленная» работа должна была начинаться не с младших, а с подростков — «дворовых вожakov»,

причем «наличие организованных детских коллективов в жилтовариществе облегчает работу» [Готлиб 1929: 22].

Почти в каждом доме есть свои «вожаки», авторитету которых все дети безусловно подчиняются. Но зачастую эти вожаки направляют детей на разные отрицательные поступки. Необходимо с самого же начала привлечь на свою сторону этих «вожачков», не смущаясь тем, что порой за ними во дворе прочно устанавливается кличка «хулиганов», «жуликов». Ребята эти, умеющие властвовать над детской массой, могут оказаться очень полезными в организации и развертывании работы [Кордес 1935: 6].

Бывшие хулиганы становились участниками движения за переустройство двора и, возглавляемые педагогом, комсомольцем или пионерской ячейкой, одерживали победу в борьбе с управдомом, правлением жакта и жильцами за перераспределение пространства. Фактически организаторы детской работы не стремились снять противостояние хулиганствующих групп и остальных обитателей дома, а порой и усиливали, но при этом меняли его модальность. Структура детско-подросткового сообщества и позиции его вожачков получали легитимацию. Впрочем, случалось и так, что известная в округе шпана¹, завсегдаи местного отделения милиции, которых решили научить смотреть на двор «глазами хозяев», из уличных хулиганов превращались в дворовых.

Энтузиазм, правда, скоро прошел, но перелом был налицо. Улица отошла на задний план. Значительная часть уличных «развлечений» была теперь перенесена во двор. Теперь уже во дворе били стекла, задирали малышей и девочек. Началась вражда между под'ездами. Иногда дело доходило до жестоких кровопролитных схваток [Студенецкий 1936: 26].

Сами дети нередко встречали организаторов детской работы неприязненно, особенно ровесников — пионеров, которых воспринимали как чужаков, пришедших «завоевать двор», осыпали насмешками, оскорблениями, мешали заниматься с более податливыми малышами, да и просто били [Арш 1928: 51; Данилов 1930: 22, 31–33]. Разумеется, финал опубликованных историй всегда положительный — двор принимает пионеров или комсомольцев, которые становятся «своими» и возглавляют детское движение по переустройству быта.

После того как активистам удавалось завоевать доверие младшего поколения, следовал этап борьбы за территорию. Образованный пионерский форпост или детский клуб требовал от

¹ Речь идет о рабочем поселке «Абельмановская застава» (Таганский район Москвы) — новом квартале, возведенном в конце 1920-х — начале 1930-х гг.

правления жакта отдать ему какое-то помещение в доме или сарай, часть территории двора для устройства игровой площадки (ликвидировав хозяйственные объекты), выделить часы для детской работы в красном уголке или домовой конторе и т.д. Иногда эти требования «находили понимание и поддержку», но нередко становились источником конфликтов. Форпост начинал взывать к «общественности» дома и пытался привлечь на свою сторону родителей. В результате в «борьбу» включались жильцы и занимали ту или иную сторону в зависимости от того, как ситуация затрагивала их интересы.

На самом заднем из многочисленных дворов и двориков дома № 25 был обнаружен большой каменный сарай, занятый дровами и разным барахлом. Пришлось, конечно, выдержать бурное сражение с жильцами, пользовавшимися этим сараем, но победа была одержана [Мейерович 1936: 4].

Несмотря на противодействие бездетных жильцов и части правленцев, собрание выносит постановление: ежедневно с 9 до 3 часов дня и три раза в неделю с 6 до 9 часов вечера красный уголок должен находиться в распоряжении детворы [Гольдберг, Сливкин 1930: 23].

Доходило и до «детских» писем Н.К. Крупской, у которой искали защиты от «бездушных взрослых» [Готлиб, Малисова 1930: 14–15], в пионерские и местные газеты:

Обратите на нас внимание

Мы, дети-школьники, проживающие в доме № 17 по Кожевнической улице, требуем от домоуправления распланировки, устройства во дворе волейбольной площадки. Пора наконец обратить на нас внимание и позаботиться о нашем летнем досуге, так как большинство из нас не едет в лагерь. Мы не хотим ездить на буферах трамвая и бегать по рынкам, ища развлечений. Организуйте наш досуг у нас во дворе. (Следуют 32 подписи детей) [Кордес 1935: 5].

В 1932 г. Крупская отозвалась письмом «Будьте общественниками!», которое было адресовано пионерам и опубликовано 15 декабря в «Пионерской правде». Его перепечатка в журнале «Жилищная кооперация» предварялась словами о том, что «в жилкоопах (жактах и РЖСКТ¹) работа с детьми находится на мертвой точке». Сама же Надежда Константиновна писала: «Пионеры должны заботиться, чтобы при жактах были детские комнаты, чтобы там были организованы игры, декламация, пение, разная интересная работа. Надо втянуть взрослых во

¹ Рабочее жилищно-строительное кооперативное товарищество.

внешкольную работу с детьми. Надо при помощи взрослых организовывать общие для всех ребят прогулки, экскурсии. Надо организовывать читки, посещение всеми ребятами детбиблиотек. Пионеры должны в жактах провести работу за охрану прав ребенка. Они не могут допустить, чтобы кто-то из родителей избивал своего ребенка, не пускал в школу» [Крупская 1932: 19–20].

Однако организовать в жактах работу с детьми (которую «пока не может обеспечить государство») силами пионеров, комсомольцев и педагогов-внешкольников было задачей неосуществимой. В 1920-е гг. низовые ячейки пионерской организации в городах создавались главным образом на заводах и предприятиях. В 1932 г. постановлением ЦК ВКП(б) она была реорганизована по школьному принципу. Соответственно, для нее было продуктивнее (и проще) вести работу там, куда направлялись основные силы и средства. В ходе введения всеобщего обязательного образования школы были перегружены работой и переполнены. При обучении в две, а то и в три смены ни времени, ни сил на внешкольные занятия у них не оставалось [Готлиб, Малисова 1930: 8; Гельмонт 1935: 84]. Для педагогов-внешкольников приоритетной формой работы с детьми оказывались клубы и дома пионеров.

Несмотря на позитивный настрой большинства публикаций, речь в них всегда идет о единичных случаях, которые остаются образцами для подражания и не становятся общей практикой. Даже если опустить вопрос о достоверности опубликованных историй, из них явствует, что не все «вылазки в жакты» оказывались удачными и встречали поддержку детей и взрослых. Но главное, описания занятий с детьми, которые продолжались хотя бы несколько лет, встречаются редко и касаются только ячеек ОДД. По-видимому, даже успешно начатая работа довольно скоро шла на спад, поскольку требовала не просто больших усилий, а буквально подвижничества: ежедневных занятий с детьми, причем в разных возрастных группах, контроля жизни в семье, регулярных «бесед» с родителями и т.д. С середины 1930-х гг. число публикаций о детской работе в жактах резко сокращается; пионеры и комсомольцы в них практически не фигурируют, зато появляются новые персонажи.

Жакты: детские площадки, детские комнаты и красные уголки

Одной из главных трудностей детской работы в 1920-х — первой половине 1930-х гг. писавшие о ней называли сопротивление или как минимум безразличие жильцов, правления жакта и управдома. По мнению активистов, «правления жилтовари-

шеств и их культкомиссии еще не всегда считают работу с детьми своим делом. “Наше дело — благоустройство дома, культура среди взрослых, а о детях пусть “Друг детей” или делегатка позаботится. Мы поддержим”» [Готлиб, Малисова 1930: 8]. Между тем следовало привлечь к мероприятиям жителей дома (под лозунгом «Ни одного члена жилтоварищества вне работы с детьми!» [Кордес 1935: 13]) и переложить на них большую часть нагрузки.

Задача усложнялась еще и тем, что к занятиям с детьми нужно было не допустить «классово-чуждый элемент, действующий на плохо разбирающуюся массу своей “образованностью” и знанием “хорошего тона”»¹. Иначе говоря, исключалось участие потомственной интеллигенции. В результате часть родителей относилась к проводимой работе с недоверием, считая, что их детей воспитывают «не по-приличному, а по-фабричному» [Готлиб, Малисова 1930: 9]. У менее образованного населения возникали другие причины для неприятия таких занятий: «75 % жильцов этого дома — неграмотные; почти все пьют, вплоть до молодых девушек. Объединение мальчиков и девочек на общей работе квалифицируется как проституция, а общественница, работающая с детьми, окрещена сводницей» [Готлиб 1929: 27]. Наконец, организованные мероприятия могли просто причинять беспокойство. Активисты жаловались, что жильцы «ставят свои интересы выше общественных»: гонят шумящих детей со двора, не дают играть в мяч (боясь, что те разобьют окна), «запрещают горнить» [Вернер, Гойгель 1935: 43; Мейерович 1936: 8]; в каждом доме «немало найдется <...> таких, которые будут считать мысль об организации детей силами жилтоварищества пустой или вредной затеей» [Готлиб, Малисова 1930: 12].

Однако наибольшее недоверие детская работа, по словам ее организаторов, вызвала у правлений жактов, а главными противниками им виделись председатели и управдомы, «тормозившие» дело и жестко «усмирявшие» дворовых хулиганов, вместо того чтобы перевоспитывать.

Вызвали председателя. Тот неохотно оторвался; когда женщины стали ему горячо об’яснять, что нужно поднять на собрании вопрос о площадке <...> он откровенно выругался и злобно на меня посмотрел: «Ну вас с вашими площадками, нам такие затеи ни к чему, и так погуляют» [Полетаева 1927: 31].

Приступая к пропаганде идей внешкольной работы, встречаешься чаще всего со скептическим отношением населения: «ничего из

¹ По утверждению авторов, «в одном районе Москвы одну такую “общественницу” пришлось арестовать за прямую контрреволюционную агитацию среди детей» [Готлиб, Малисова 1930: 6].

этого не выйдет», «вы не знаете наших хулиганов» и т.п. Управдом-усмиритель открыто заявляет, что не верит в современных педагогов; в доказательство он сопоставляет себя со школой и исправительным домом, которые с детьми не справляются. Консультацию он хочет получить только по одному вопросу: «на какой краске никакие надписи не видны, так как дети такую литеру разводят, от которой взрослые краснеют» [Готлиб 1929: 22]¹.

Домоуправления и жильцы действительно имели причины для скептического отношения к детской работе. Одной из основных проблем было критическое состояние жилищного фонда: жильцам приходилось поддерживать дома в пригодном состоянии своими силами и средствами, ежемесячные самообложения на ремонт нередко в несколько раз превышали квартплату. На этом фоне устройство детской комнаты и площадки должны были казаться пиром во время чумы. Дело часто осложнялось отсутствием свободных помещений в доме, территорий во дворе и средств, чтобы их оборудовать и вести регулярные занятия с детьми. Жакты должны были отчислять 1–2 % своих доходов на культработу, но не всегда это делали, т.к. денег не хватало на самый насущный ремонт².

Кроме того, в Ленинграде сохранялось представление о дворе как пространстве *нечистом* и *нездоровом*, сложившееся еще в XIX в., а дворовый досуг считался *неприличным*, достойным лишь прислуги и приезжих. Безнадзорные дети и подростки входили в категорию *дворовых* или *уличных*, т.е. хулиганов, от которых следовало держаться подальше, а не организовывать для них общие занятия с детьми из хороших семей. Избегание дворового социума частью горожан, относивших себя к интеллигенции, на фоне послереволюционного стирания прежних сословных различий могло усиливаться и становиться своего рода проявлением неконформизма, неприятия нового быта. В свою очередь людям из рабочей среды, жившим на городских окраинах или недавно перебравшимся в центр, как и выходцам из деревень и провинции, гулять во дворе казалось *естественно* — неестественно было это специально организовывать.

¹ Ср. также киносценарий московского третьеклассника «Война на дворе», опубликованный в «Пионерской правде». Главным врагом пионеров, которые хотят сделать в своем дворе детскую площадку, опять-таки оказывается управдом [Война на дворе 1934].

² Ср.: «К сожалению, еще не все хозяйственники понимают, что специальные средства, выделяемые по смете на культработу, должны быть использованы главным образом на работу с детьми. Часто встречаются случаи, когда деньги, ассигнуемые на культработу, употребляются на вывоз мусора, ремонт дома. “Тут трубы проржавели, а они с культурой лезут”, — можно слышать иногда ответ председателя жакта на просьбу отпустить денег на работу с детьми» [Кордес 1935: 4–5].

Вместе с тем со второй половины 1920-х гг. при каждом жакте должны были существовать культурно-бытовые комиссии из числа жильцов, которым среди прочего предписывалось вести работу с детьми. В Ленинграде власти стали в этом отношении требовательнее с 1928 г., когда началось укрупнение жактов, призванное сократить хозяйственные расходы и высвободить материальные и человеческие ресурсы. Судя по архивным материалам, жактовские культкомиссии действительно вели некоторую работу. Как правило, это были одно-два мероприятия в месяц для взрослых и столько же для детей: лекции, экскурсии, походы в театр, клуб или кино, чаепития или детские выступления по случаю 1 мая и 7 ноября и т.п. Средства на их проведение обычно собирали с самих участников [ЦГА. Ф. 7965. Оп. 3. Д. 110, 116].

В некоторых домах родители малышей были готовы оплачивать работу приходящего педагога-внешкольника. В других находились домохозяйки-общественницы, которые сами проводили регулярные занятия — по мере своих сил, умений и представления о том, как это нужно делать. Такие мероприятия запечатлены на фотографиях, хранящихся в Санкт-Петербургском архиве кинофотофонодокументов (ЦГАКФФД). Судя по первому из приводимых снимков (рис. 1), где две женщины занимаются с группой из 15-ти дошкольников, а на заднем плане висит график посещаемости, работа с малышами

Рис. 1. Работа с детьми в жакте. Ленинград, 1928 г. (ЦГАКФФД. Гр 43284)

в этом доме была регулярной, востребованной и в какой-то мере могла решать проблему нехватки мест в детских садах. О том же говорят опубликованные свидетельства: если жильцам и представлялись полезными занятия с детьми, то именно с маленькими («они больше нуждаются в уходе и присмотре и больше связывают мать»), иногда женщины сами организовывали такие «дежурства», чтобы освободить друг другу время [Готлиб, Малисова 1930: 4–6]. На втором снимке игра 17 слишком разновозрастных детей выглядит искусственной и вряд ли возможной без руководящего участия взрослых (рис. 2).

Рис. 2. Детская площадка в жакте. Ленинград, 1932 г. (ЦГАКФФД. Вр 11307)

С января 1930 г. органам коммунального хозяйства и жилищкооперации было предписано предоставлять отделам народного образования «свободные места в садах, в скверах, на бульварах, во дворах отдельных домовладений» для устройства детских площадок, катков и т.п. [Об участии 1930]. В центре города для этих целей часто использовали парки; на периферии это могли быть огороженные пустыри, где дети сами сажали деревья и вскапывали грядки. Часть площадок была устроена во дворах жилых домов, например, Василеостровским РОНО (рис. 3–5). Как раз на такие площадки следовало ориентироваться жактам при организации детской работы.

Рис. 3. Группа детей и воспитательница во время беседы. Ленинград, 1937 г.
(ЦГАКФФД. Гр 63939)

Рис. 4. Группа детей во время игры в футбол. Ленинград, 1937 г.
(ЦГАКФФД. Гр 63787)

Рис. 5. Группа детей во время игры в шахматы. Ленинград, 1937 г. (ЦГАКФФД. Гр 63833)

С 1936 г. Ленгорсовет дважды в год, перед летними и зимними каникулами, требовал от городских жилищных организаций открыть в жактах детские площадки и организовать работу с детьми. И при этом власти неоднократно констатировали, что «большинство детских площадок <...> не удовлетворяют запросов детей вследствие того, что там не созданы элементарные условия для игр, спорта и разумных развлечений детей» [О мерах 1937: 3]. Со своей стороны Ленжилсоюз обязал все жакты в рамках борьбы с нарушениями детьми правил уличного движения не допускать их безнадзорности «под личную ответственность управдомов и дворников» и развернуть работу в детских комнатах и площадках, «принимая <...> в первую очередь детей родителей, занятых на производстве и не имеющих возможности наблюдать за детьми» [О борьбе 1933].

Как можно судить по приведенным выше фотографиям, для того чтобы устроить в своем дворе детскую площадку, домоуправлениям достаточно было соорудить столик со скамейками и приобрести минимальный игровой инвентарь. Кое-где в летнее время делали песочницу для малышей, зимой сооружали горку из утрамбованного снега, а если позволяло место, заливали маленький каток. Этим (в дополнение к мероприятиям культкомиссий) детская работа в жактах обычно и ограничивалась. Ответственность за детей дома возложили на управдомов

и дворников, т.е. именно на тех, кто виделся противниками детской работы активистам предшествующих лет. И это не случайно.

С середины 1930-х гг. борьба с хулиганством и безнадзорностью детей и подростков вступила в новую стадию, и жесткая позиция оказалась ближе линии властей, чем гуманистические идеи и мероприятия прежних лет. Изменения в этой сфере начались раньше, но перелом обозначило постановление ЦИК и СНК СССР «О мерах борьбы с преступностью среди несовершеннолетних» от 7 апреля 1935 г. Оно вводило уголовную ответственность за наиболее тяжкие правонарушения с 12-летнего возраста, и его следствием стало развитие сети учреждений для малолетних осужденных, создание секций по борьбе с беспризорностью, безнадзорностью и уличным хулиганством детей и подростков, введение ответственности родителей и опекунов и т.д. Усилия по перевоспитанию дворовых хулиганов стали неужны.

Поскольку вести занятия с детьми теперь предписывалось конкретным институциям (РОНО, жилищным организациям и жактам), отпала необходимость в призывах и «образцовых» публикациях. Число последних с середины 1930-х гг. сильно сокращается, их главными героями становятся «культактив» дома, женщины-общественницы, реже платные педагоги. Сами мероприятия перемещаются из сараев, полуподвалов и других периферийных и наименее ценных мест домохозяйства, которые приходилось «отвоевывать», но которые затем становились «своими», в официальные помещения — как правило, в красные уголки. Таким образом, места, отводимые для детей, максимально повышаются в статусе, но при этом перестают быть собственно детскими территориями, отдельными от пространства взрослых.

Отныне детская работа не встречает противодействия жителей и администрации дома. Напротив, культурно-бытовая комиссия (иначе — «культактив») отчитывается перед ними о проведенных мероприятиях и должна помогать правлению, а после отмены жактов в 1937 г. — оправдому в организации красного уголка, работе с детьми и родителями, ликвидации безнадзорности [Положение 1939: 101; Утверждение положения 1940: 4]. Таким образом, и красные уголки, и занятия с детьми в конечном счете оказываются *в ведении оправдома*, которому помогают культкомиссии и «родительский актив». При этом автор одной заметки сетует, что работу красных уголков затрудняет «множественное руководство» — они подчинены РОНО, райжилуправлениям, райкомам комсомола, секциям райсоветов по работе с детьми [Мясоедова 1939: 19]. На смену призывам

и энтузиазму приходят *предписания* и *отчетность*. Однако регулярные занятия с детьми в жилых домах и общественный надзор по-прежнему остаются недостижимыми.

В двух больших корпусах интервью, собранных мною для исследований, посвященных ленинградским дворам (45) и советскому детству (84)¹, воспоминания об организованной культуре единичны. В красных уголках это отдельные праздники или кружки женского рукоделия для детей и взрослых, привлекавшие далеко не всех. Во дворах — субботники / воскресники и занятия в группах самозащиты перед войной, для детей увлекательные. Скорее всего, если где-то и проводились регулярные мероприятия, они охватывали незначительное число детей, остальные предпочитали неорганизованные развлечения или «настоящие» кружки в школах и домах пионеров. Тем ценнее редкие исключения. В приводимом ниже интервью описана ситуация в жилом комплексе, построенном в начале 1930-х гг. и заселенном семьями советской интеллигенции. Здесь не только был красный уголок, но и выделялись средства на покупку книг и журналов, оплату работы библиотекаря и учителя музыки. Иными словами, это был образцовый случай реализации указаний власти. Более того, сами дети и подростки не игнорировали красный уголок, а увлеченно читали. Интересно, однако, как это встраивалось в систему отношений взрослого и детского сообществ.

Инф.: *В этом красном уголке были два замечательных человека, с которыми я был лично связан. Во-первых, это была Мария Самсоновна, которая на государственном казенном рояле учила нас музыке. А кроме того <...> здесь также размещалась библиотека, хозяйкой которой была Эмма Христофоровна. Пожилая немка, удивительно терпеливая, очень воспитанная дама, которая была знакома со всеми бабушками и которая содействовала продвижению знания в массы тем, что на жактовские деньги она выписывала журналы и книги. И эти книги <...> в особенности журналы, если они представляли некую общественную ценность <...> Эмма Христофоровна выделяла в первую очередь тем, кого она лично знала, уважала и оказывала знаки почтения. <...> Моя бабушка и Эмма Христофоровна были между собой знакомы. <...> А в 37–38-м годах предметом борьбы за право первичного доступа стали два издания: журнал «Костер», потому что там публиковался Каверин «Два капитана», «Приключения Карика и Вали» <...> и «Вокруг света», [где печатали] фантастические повести и романы: «Арктания», «Голова профессора Доуэля» — беляевские*

¹ Первое из них — мое диссертационное, второе — исследование Катрионы Келли «Детство в России: культурная и социальная история», 2002–2005 гг. (поддержано фондом Leverhulme Trust, грант F/08376/A).

вещи. <...> Если журнал «Костер» был в основном для учеников 5–6-х классов, то уже «Вокруг света» — это был журнал, которым должны были в первую очередь пользоваться люди, имеющие права на него. Таковыми были здоровые лбы, 15-, 16-, 17-летние ребята, которые, кстати говоря, понимали механизм распределения этих журналов. Они никогда не осмеливались мешать этому в личных отношениях с Эммой Христовной. Но журнал «Вокруг света», который я получал в качестве первого читателя (это было известно, что журнал пришел и что он уходит мне), этот журнал перехватывался на моем пути домой более старшим человеком. <...> Он сидел обычно на дровах, ждал этого момента — двор тесен — не вставал, просто подзывал меня известным жестом и говорил: «Отдай». Я должен был уступить силе, но любопытно, что он читал этот журнал ночью и рано утром мне его возвращал. То есть была некоторая этика присвоения, это был не грабеж, а так сказать, такое <...> право первой ночи на эту книжку (СПб-01, ПФ-24, м., 1929 г.р.).

Практики распределения ресурсов библиотечки красного уголка дополнялись (и взаимно поддерживались) ситуацией, когда начитанность могла иметь практическую ценность. Один из верховодивших во дворе старших подростков (именно тот, о ком идет речь в интервью) пересказывал младшим прочитанные истории (например, «Человек, который смеется» Виктора Гюго) — в темноте, страшным голосом и, разумеется, за деньги. Получается, что даже образцовый красный уголок, который действовал реально, а не только в отчетах домоуправления в разные инстанции и привлекал детей, не становился альтернативой двору, как рассчитывали идеологи детской работы. Предлагавшиеся жителям дома ценности могли благополучно встраиваться в систему дворовых отношений и даже их поддерживать.

После войны

В послевоенные годы возросшие проблемы детской беспризорности и безнадзорности заставили центральные и городские власти еще раз попытаться наладить работу с детьми в домохозяйствах¹. В 1946 г. Ленгорсовет предложил Ленжилуправлению и райисполкомам «добиться активного участия [жильцов] в борьбе с безнадзорностью детей и подростков <...> путем организации и оживления деятельности постов по борьбе с беспризорностью и безнадзорностью детей, привлекая активы жильцов к работе с детьми путем организации площадок и специальных детских комнат» [О неотложных мерах

¹ В Ленинграде параллельно начинается кампания по благоустройству дворов, в риторике которой основным мотивом становится забота о детях. Подробнее история благоустройства ленинградских дворов рассмотрена в другой статье [Пиир 2011].

1946: 9]. Подобные постановления повторяются ежегодно, и в каждом власти города констатируют, что, несмотря на их решения, ситуация остается неудовлетворительной: «До сих пор при крупных домохозяйствах все еще не организованы детские комнаты и посты; во дворах, садах, парках и скверах не созданы детские площадки, вследствие чего дети вынуждены проводить свой досуг на улицах, где устраивают игры и подвергают свою жизнь опасности» [Об усилении мер 1950: 1]. В 1950-е гг. последняя формулировка начинает повторяться слово в слово, т.е. становится штампом, который характеризует *обычное состояние детской работы* в городе, а не попытки властей его изменить.

Одновременно предпринимается очередная попытка использовать общественный ресурс. С 1945 г. в Ленинграде и с 1946 г. в других городах при домоуправлениях создают общественные комиссии содействия восстановлению и эксплуатации домохозяйств, в задачи которых помимо прочего входит борьба с детской безнадзорностью, устройство красного уголка, организация культурно-просветительных мероприятий для взрослых и детей [Об организации 1946: 121–122]. Вслед за постановлениями выходит несколько сборников, в которых описаны образцовые примеры такой работы, в том числе занятия с детьми¹. Как и во второй половине 1930-х, ни неудач, ни конфликтов у активистов не случается (показательно название одной заметки о благоустройстве двора — «Как мы помогаем управхозу» [Фомина 1947]). Да их и не может быть, поскольку отныне детская работа «требует плановости»: «Мы работаем строго по плану, который разрабатываем и утверждаем ежемесячно. В его составлении принимают горячее участие актив ребят и родители. <...> В конце месяца мы проверяем, как выполнен план, что было упущено, что нужно учесть в дальнейшей работе» [Донская 1948: 60]. Описания этой плановой идиллии в домохозяйствах дополняют постановочные фотографии активистов и играющих под их зорким наблюдением детей.

Усилиями комиссий содействия детская работа не ограничивалась. Кажется, что в эти годы власти пытаются использовать все возможные ресурсы и снова подключают к ней педагогов и пионеров с комсомольцами. Интересно, однако, что в послевоенных публикациях в журнале «Семья и школа» в период активного создания комиссий содействия о них (или о взаимодействии с ними) нет ни слова. Те же занятия с детьми в жилых домах проводят школьные учителя и работники Дома пионе-

¹ В основном в Ленинграде и Москве, одна из встретившихся мне публикаций относится к Омску.

ров, родительские комитеты, матери-общественницы [Брук 1946; Журин 1948; Попова 1949]. А в заметках в журнале «Вожатый» их, разумеется, ведут пионервожатые ближайших школ или живущие в доме пионеры и комсомольцы, которым *помогают* взрослые жильцы [Во дворе 1956; Логинова 1956]. Похоже, множественное руководство, возникшее во второй половине 1930-х гг., сформировало соответствующие образцы и соответствующую отчетность — за одно мероприятие сразу во многие инстанции.

Более адекватную информацию представляют архивные материалы райисполкомов. Так, на совещаниях руководства и комиссий содействия Свердловского района Ленинграда¹ в 1949 г. обнаруживается, что детские комнаты в домохозяйствах не открыты, площадки не оборудованы, пионерская работа не ведется, а управхозы не предоставляют помещения и не выделяют денег на культработу [ЦГА. Ф. 4948. Оп. 1. Д. 420. Л. 1, 4, 9 об., 12, 16–17]. По результатам обследования красных уголков домохозяйств Смольнинского и Фрунзенского районов 35 из 58 оказались закрыты и отданы под конторы домоуправлений или квартиры, работа проводилась только в 10 красных уголках [О работе 1949]. Аналогичную картину дают архивные материалы других райисполкомов города в том же и последующие годы: родительские комитеты в домохозяйствах не сформированы или бездействуют, красные уголки после выборов заняты под переселенческий фонд [ЦГА. Ф. 47. Оп. 5. Д. 31; 200; Ф. 103. Оп. 5. Д. 443].

Вместе с тем домоуправлениям надо было как-то выходить из положения и представлять отчеты в соответствующие инстанции. В ответах комиссий содействия на вопросник исполкома Свердловского района о детской работе в домохозяйствах в большинстве случаев значится: «Постов по детской безнадзорности нет» [ЦГА. Ф. 4948. Оп. 1. Д. 420. Л. 24–49 об]. Однако встречается и вполне рациональное решение проблемы: «Эта работа возложена на деж. дворников, т.к. они постоянно находятся на улице (угол Большого, 19) и следят за поведением детей на улице»; «Специальных постов нет, осуществляется по детской безнадзорности через дежурных дворников»; «Из членов Комиссии, а также из актива хозяйства постов не выделено. За детьми поручено следить дежурным дворникам, с последующим сообщением комиссии» [ЦГА. Ф. 4948. Оп. 1. Д. 420. Л. 38, 40, 44 об.]².

¹ Свердловский район существовал в 1936–1961 гг. и занимал часть Васильевского острова западнее 12-й линии.

² По материалам переписки Петроградского райисполкома с домохозяйствами, ответственными за красные уголки в домах также могли быть дворник или управдом, правда, эти материалы относятся к блокадному времени [ЦГА. Ф. 151. Оп. 5. Д. 139. Л. 3].

Дети и дворники

Таким образом, круг замкнулся — единственной реальной возможностью контролировать детей во дворе и на улице по-прежнему оставался надзор дворников, от которого их пытались избавить филантропы начала века и активисты первого периода детской работы в жактах. Чем можно объяснить безуспешность прилагавшихся усилий, безрезультатность постановлений властей и нежелание жителей организовать детскую работу в своих домах?

Во-первых, с точки зрения рядовых горожан дело выглядело иначе. Те, кто не гнушался двора, находили его подходящим местом для детских прогулок именно потому, что это было *контролируемое пространство*. Считалось, что даже в отсутствие родителей играющие во дворе дети находятся под присмотром остальных жителей дома и дворника, поскольку они видны и слышны через выходящие во двор окна. Кроме того, двор редко пустовал: здесь пилили дрова, развешивали белье, играли в домино, судачили на лавочках — почти всегда было кому вмешаться в экстренную ситуацию, но не в детские игры. В том и заключалось удобство пребывания детей во дворе, что оно *не требовало специального присутствия и участия взрослых*. Напротив, в понимании властей «надзор» означал *организацию* детского досуга, на которую кто-то должен был тратить силы, время и за которую к тому же нужно было нести ответственность перед разными инстанциями.

Во-вторых, дореволюционная традиция, согласно которой надзор за детьми во дворе и на улице (как и за всем происходящим на территории домовладения) был обязанностью дворников, никуда не ушла. Более того, городские власти сами поддерживали ее в процитированном выше распоряжении 1933 г., возложив ответственность за безнадзорных детей на управдомов и дворников и неоднократно повторив это в разных вариациях [О борьбе 1933]¹. Согласно указаниям Ленгорисполкома, дворники должны следить за поведением детей во дворе и на улице перед домом, не допускать безнадзорности, хулиганства и нарушений детьми правил уличного движения, отводить заблудившихся в милицию, сообщать милиции о родителях, которые «разлагающе действуют на своих детей» или принуждают их к нищенству и спекуляции [Инструкция 1935: 4; О правах 1938: 7; О предупреждении 1938: 7]. В свою очередь управдомы должны сообщать об этих правонарушениях роди-

¹ Впрочем, еще по инструкции НКВД 1922 г. дворники должны были наблюдать, «чтобы никто из живущих в доме не выпускал малолетних на улицу без присмотра» [О введении 1924: 31], т.е. при введении советского института дворников эта обязанность была сохранена.

телям или привлекать их к ответственности [О правилах 1946: 13; 1952: 8].

Дворники и управдомы — не общественность, от ответственности уйти не могли и указания властей по мере сил выполняли. В воспоминаниях горожан именно дворники оказываются для детей и подростков «актуальными взрослыми». Например, в «Ленинградском каталоге» Даниила Гранина: «Дворники были для нас высшей властью. Они указывали, где можно играть, где нельзя, разнимали драчунов. Они знали нас по именам, наставляли, им были известны наши убежища, и они помогали матерям нас разыскивать» [Гранин 1990: 483–484]; или в «Городе детства» Николая Крыщука: «Детство — это иерархия. Моя детская иерархия была своеобразна. Главными были дворники. Они стерегли двор и за всеми следили. Даже участковый милиционер был ниже их по званию, потому что следил только за преступниками» [Крышук 1997: 170].

По материалам интервью, если кто-то и проводил занятия с детьми или организовывал работу по благоустройству двора, это были не пионервожатые, не педагоги-внешкольникники и не культактив, а управдом: «Вот когда весна, и деревья сажали, и детей приучал управхоз, все какие-то игры с ними. <...> Вот был у нас такой один управхоз, дяденька, так он организовал игры» (СПб-01, ПФ-36, дворник, ж., 1925 г.р.). А сооружал во дворе скамейки, песочницу или снежную горку, разумеется, дворник — как и давал детям поливать из шланга и сгребать снег деревянной лопатой. Взаимоотношения дворника и детских компаний могли строиться в диапазоне от покровительства, поддержки, взаимопомощи и даже некоего подобия дружбы до откровенно враждебных действий, когда подростки рассыпали мусорные баки (СПб-01, ПФ-36, дворник, ж., 1925 г.р.), воровали рабочие инструменты (СПб-01, ПФ-26, м., 1940 г.р.), а если судить по архивным материалам, и избивали дворников [ЦГА. Ф. 4948. Оп. 4. Д. 310. Л. 81]. Не останавливаясь на этой теме подробно, приведу в качестве иллюстрации два контрастных воспоминания о дворниках, женское и мужское, оба о послевоенных дворах в центре Ленинграда.

Ну, дворника мы все боялись. Потому что они все были внушительного вида, во-первых, — не то, что наши ходят страшные тетки. Дворники — это были мужчины, у них стрижка была особая, бороды. <...> Вот, притом они знали всех, знали поименно. Поименно знали всех жильцов. Знали всех детей. Конечно, он такой идет на тебя, естественно, мы боялись их больше, чем своих собственных родителей. Вот, потому что они требовали дисциплину. <...> Ну, конечно, они так всегда следили за нами. <...> И всегда, вот мы во дворе, и дворники во дворе. <...> Бабули как

всегда сидели, которые тоже все про всех знали и тоже учиняли донос родителям. <...> И дворники как-то, видимо, охраняли нас от шпаны (СПб-00, ПФ-4, ж., 1937 г.р.).

Наш самый главный враг — это дворник. Это самый страшный человек. <...> Дворники, они орут, кричат, мяч тоже режут [если окно разобьешь]. Когда они появляются, все затихает. Они же встают утром рано, в 4–5, они моют лестницу каждый день, моют, двор убирают и идут спать. Потом просыпаются, идут как-то мимо и начинают... Когда фанеры нет, когда лом пропадет¹. Вы же понимаете, вот их причина в основном. На нас кричали, на мальчишек, которым тринадцать лет (СПб-01, ПФ-26, м., 1940 г.р.).

Создается впечатление, что в то время как власти, идеологи и активисты пытались организовать детскую работу в домохозяйствах, рядовые горожане эти усилия либо игнорировали, либо просто не замечали. Жизнь шла своим чередом, жители отправляли детей гулять во дворы, дворники за ними присматривали («Ну, чтобы случайно не обидели, и на место поставить обидчика. Это и просить меня не надо, это следили. Если кто обижает, значит»²). И ситуация в общем устраивала всех, не считая саму власть и в какой-то мере тех, кого обременяли ее постановления и инструкции.

* * *

С середины 1950-х гг. правительство постепенно оставляет попытки мобилизовать общественность на детскую работу. Силами жилищных и строительных организаций были благоустроены дворы, которые после сноса дровяных сараев и других хозяйственных объектов предназначались для детей, на лето некоторые из них превращали в «детские оздоровительные площадки». Постановления Ленгорсовета еще требуют организовывать в домах родительские комитеты и детские кружки (технические и домоводства), но основное внимание перенесено на развитие сети детских внешкольных учреждений: ДЮСШ (детских и юношеских спортивных школ), секций и кружков в домах культуры и пионеров, при ДОСААФ и пр. В 1956–1958 гг. на смену домоуправлениям пришли жилконторы, и хотя управдомам и дворникам по-прежнему предписывалось сообщать родителям о нарушениях порядка их детьми, вскоре

¹ Лист фанеры с веревочной петлей использовался для уборки снега. Дети стаскивали у дворников «фанеру» и катались на ней, прицепив к едущему троллейбусу. Ломы были нужны для другого развлечения. На них надевали стеклянные банки, прислоняли к двери квартиры на верхнем этаже, звонили — и когда дверь открывалась, все сооружение с грохотом и звоном катилось вниз.

² СПб-01, ПФ-36, дворник, ж., 1925 г.р.

они утрачивают и свои функции надзора за жильцами, и свою связь с ними.

В отчетном докладе Хрущева XX съезду КПСС по шестому пятилетнему плану была выдвинута «огромная воспитательная задача» обеспечить «всех детей, родители которых этого полагают», яслями и детскими садами, и со второй половины 1950-х гг. разрабатываются их типовые проекты и начинается массовое строительство. В том же докладе Никита Сергеевич высказался о целесообразности создавать школы-интернаты для детей, оставшихся без отцов, и из семей, «в которых оба родителя работают на производстве или в учреждении» и «в состоянии лишь урывками заниматься воспитанием своих детей. При таком положении многие дети оказываются оставленными на попечение кого-нибудь из родственников или соседей, а иногда и вовсе без присмотра. Таким образом значительная часть детей оказывается предоставленной самой себе, и это нередко ведет к плохим последствиям» [Отчетный доклад 1956: 82–83]. В 1955 г. вышло постановление Совета министров РСФСР об организации в школах Москвы и Ленинграда групп продленного дня [Об организации 1959], с 1960 г. их стали вводить и в других городах страны. Ни школами-интернатами, ни группами продленного дня не пытались охватить *всех безнадзорных детей* — принимать в них должны были «исключительно по желанию родителей». Наступила другая эпоха. И детская работа в жилых домах утратила прежнее значение.

Список сокращений

ЦГА — Центральный государственный архив Санкт-Петербурга

Архивные материалы

- ЦГА. Ф. 47. Оп. 5. Д. 31. Исполком Василеостровского Совета депутатов трудящихся Ленинграда. 1951–1956 гг.
- ЦГА. Ф. 47. Оп. 5. Д. 200. Исполком Василеостровского Совета депутатов трудящихся Ленинграда. 1956 г.
- ЦГА. Ф. 103. Оп. 5. Д. 443. Исполком Московского райсовета Ленинграда. 1957 г.
- ЦГА. Ф. 151. Оп. 5. Д. 139. Исполком Петроградского райсовета Ленинграда. Докладные записки и переписка с домохозяйствами о состоянии красных уголков. 1942 г.
- ЦГА. Ф. 4948. Оп. 1. Д. 420. Исполком Свердловского райсовета Ленинграда. Материалы о работе общественных комиссий содействия домохозяйствам с детьми. 1949 г.
- ЦГА. Ф. 4948. Оп. 4. Д. 310. Исполком Свердловского райсовета Ленинграда. Протоколы заседаний комиссий содействия домохозяйствам. 1957–1959 гг.

- ЦГА. Ф. 7965. Оп. 3. Д. 110. Протоколы заседаний культурно-бытовой и санитарной комиссий дома № 37 по 14-й линии В.О. 1928 г.
- ЦГА. Ф. 7965. Оп. 3. Д. 116. Протоколы заседаний правления объединенного жакта домов № 27–37 по 14-й и 15-й линиям В.О. 1929 г.

Библиография

- Алфавитный сборник распоряжений по С.-Петербургскому градоначальству и полиции, извлеченных из приказов за 1866–1885 гг. СПб.: Тип. Канцелярии СПб. градоначальника, 1886.
- Алфавитный сборник распоряжений по С.-Петербургскому градоначальству и столичной полиции, извлеченных из приказов за 1886–1890 гг. СПб.: Тип. СПб. градоначальства, 1892.
- Алфавитный сборник распоряжений по С.-Петербургскому градоначальству и полиции, извлеченных из приказов за 1891–1901 гг. / Сост. И. Высоцкий. СПб.: Тип. СПб. градоначальства, 1902.
- Алфавитный указатель к приказам по С.-Петербургской полиции / Сост. К. Бахмутов. СПб.: Тип. Канцелярии СПб. обер-полицийм., 1870.
- Ариш М.* О работе среди детей в ЖАКТах. (Из опыта работы пионерорганизаций) // Просвещение. 1928. № 12 (24). С. 50–57.
- Бельский П.Г.* Хулиганство в детском и подростковом возрасте. (К вопросу этиологии и к методике перевоспитания) // Хулиганство и преступление: Сб. статей. Л.; М.: Рабочий суд; Печатня, 1927. С. 91–116.
- Беспаленко.* Ячейке требуется помощь // Друг детей. 1933. № 1. С. 28.
- Брук М.* Женщина-общественница в работе с детьми // Семья и школа. 1946. № 10–11. С. 31–32.
- Бухбиндер С.И.* Работа в ЖАКТе // Просвещение. 1928. № 12 (24). С. 57–62.
- Вернер, Гойгель.* Больше внимания детям // Работа с детьми в жактах: Инструктивно-методические материалы для работы с детьми в жакте. Симферополь: Гос. изд-во Крым. АССР, 1935. С. 42–43.
- Во дворе дома 79 // Вожатый. 1956. № 7. С. 46–47.
- Война на дворе // Пионерская правда. 1934, 12 июня. № 73 (1372).
- Гельмонт А.* Дети во дворе // Народный учитель. 1935. № 2. С. 84–86.
- Гольдберг Г., Сливкин Б.* Детская комната в жилтовариществе. Как мы боролись // Организуйте детвору. 1930. № 3. С. 23–24.
- Готлиб Б.* Жилтоварищество как внешкольное учреждение // Внешкольник. 1929. № 4. С. 21–27.
- Готлиб Б., Малисова Х.* Организуйте детвору по жилтовариществам. М.: Московский рабочий, 1930.
- Гранин Д.А.* Ленинградский каталог // Гранин Д.А. Собр. соч.: В 5 т. Л.: Худож. лит., 1989–1990. Т. 5. С. 456–496.
- Данилов Н.* Работа пионеров в жактах (в помощь вожатому, педагогу и пионеру-активисту). М.; Л.: Молодая гвардия, 1930.

- Донская Е.* О самых маленьких жильцах // Опыт работы общественных комиссий содействия восстановления и эксплуатации домохозяйств города Ленинграда. Л.: Лен. газ.-журн. и книжное изд-во, 1948. С. 53–61.
- Друг детей // Российская педагогическая энциклопедия: В 2 т. М.: Большая российская энциклопедия, 1999. Т. 1. С. 293–295.
- Журин Б.И.* Родительские комитеты в жилых домах // Семья и школа. 1948. № 4. С. 35–36.
- Инструкция для дворников и ночных сторожей в Ленинграде // Бюллетень Ленсовета. 1935. № 1. С. 3–7.
- Келли К.* Столица, двор, коммуналка: детский быт Санкт-Петербурга–Ленинграда первой половины XX века // *Pietroburgo, capitale della cultura russa = Петербург столица русской культуры.* Salerno: Univ. di Salerno, 2004. Т. 2. С. 407–432. (Collana di Europa Orientalis 5).
- Кира-Донжан Г.С.* Детские клубы и их роль в борьбе с детской беспризорностью и преступностью // Призрение и благотворительность. 1916. № 10. С. 995–1010.
- Коллиандер Т.* Петербургское детство. Главы из воспоминаний // Невский архив II. М.; СПб.: Atheneum; Феникс, 1995. С. 5–54.
- Кордес В.Н.* Работа с детьми в жактах. М.: Госпедгиз, 1935.
- Крышук Н.* Город детства // Тебе, Петербург: Альманах Всемирного клуба петербуржцев. СПб.: Петро-РИФ, 1997. Вып. 2. Ч. 2. С. 168–171.
- Логинова М.* Надо только приложить руки // Вожатый. 1956. № 7. С. 48–49.
- Мейерович М.* Биография одного двора // Мейерович М., Студенецкий Н. У нас во дворе. Опыт работы двух московских форпостов. М.: Мосгороно, 1936. С. 3–23.
- Мясоедова М.* Красные уголки // Игрушка. 1939. № 3. С. 19.
- [*Нелюбов 1916*] Обзор деятельности общества «Детский городок Петроградской части» 1910–1915 гг. / Сост. Н.С. Нелюбов. Пг.: Тип. П.П. Сойкина, 1916.
- Низовые организации ОДД в центр внимания // Друг детей. 1933. № 1. С. 1–6.
- О борьбе с нарушениями детьми правил уличного движения // Бюллетень Ленсовета. 1933. № 40. С. 5.
- О ликвидации детской беспризорности и безнадзорности // Бюллетень Ленсовета. 1935. № 27. С. 1–3.
- О мерах борьбы с уличной безнадзорностью и хулиганством детей и подростков // Бюллетень Ленсовета. 1937. № 43. С. 3–4.
- О неотложных мерах борьбы с беспризорностью и безнадзорностью детей и подростков // Бюллетень Ленсовета. 1946. № 18. С. 8–10.
- О правах и обязанностях дворников // Бюллетень Ленсовета. 1938. № 48. С. 5–8.

- О правилах поведения детей в общественных местах (в театрах, кино, парках, трамваях, на стадионах и т.д.) и на улицах гор. Ленинграда // Бюллетень Ленсовета. 1946. № 15–16. С. 13.
- О правилах поведения детей и подростков в общественных местах и на улицах // Бюллетень Ленсовета. 1952. № 7. С. 7–8.
- О предупреждении детского уличного травматизма // Бюллетень Ленсовета. 1938. № 26–27. С. 7.
- О работе красных уголков домохозяйств в Смольнинском и Фрунзенском районах // Бюллетень Ленсовета. 1949. № 20. С. 4.
- Об организации групп продленного дня в школах гг. Москвы и Ленинграда // Хронологическое собрание законов, указов Президиума Верховного Совета и постановлений правительства РСФСР. М.: Гос. изд. юрид. лит-ры, 1959. Т. 5. С. 307–308.
- Об организации общественных комиссий содействия восстановлению и эксплуатации домохозяйств // Восстановим наши жилища: Опыт работы общественных комиссий содействия восстановлению и эксплуатации домохозяйств города. Л.: Лен. газ.-журн. и книжное изд-во, 1946. С. 117–123.
- Об усилении мер борьбы с безнадзорностью детей и подростков // Бюллетень Ленсовета. 1950. № 8. С. 1–2.
- Об участии местных органов коммунального хозяйства и союзов жилищной кооперации в деле организации зимней работы по физической культуре среди детей и подростков // Бюллетень НКВД. 1930. № 2. С. 28–29.
- Отчет о работе Районного Совета Об-ва Друг Детей Смольнинского и Октябрьского районов. [Л.]: Тип. Гидр. упр. Упр. в.-мор. сил РККА, [1930].
- Отчетный доклад ЦК КПСС XX съезду партии // XX съезд коммунистической партии Советского Союза. Стенографический отчет. М.: Гос. изд. полит. лит-ры, 1956. Т. 1. С. 9–120.
- Пиир А.* Благоустройство и «образцовый быт» ленинградских дворов: диалог властей и жильцов // Антропологический форум. 2011. № 15 Online. С. 236–267. <<http://anthropologie.kunstkamera.ru/files/pdf/015online/piir.pdf>>.
- Поletaева М.* Работа с дворовыми детколлективами // На путях к новой школе. 1927. № 12. С. 28–50.
- Положение о культурно-бытовых комиссиях при домоуправлениях // Бюллетень Народного комиссариата коммунального хозяйства РСФСР. 1939. № 6. С. 123–124.
- Поляхин Н.* Детская площадка как важный фактор борьбы с безпризорностью // Призрение и благотворительность. 1916. № 10. С. 987–996.
- Попова Н.П.* «Теперь это наша улица» // Семья и школа. 1949. № 11. С. 36–37.
- Права и обязанности домовладельцев, управляющих домами и жильцов, в С. Петербурге, Москве и других городах. СПб.: Тип. Глав. штаба е. и. вел. по военно-учеб. заведениям, 1855. С. 142.

- Пфейфер С.И.* Детский клуб, его значение, цель и организация. М.: Мир, [1924].
- [*Крупская Н.К.*] Работу с ребятами в жилищной кооперации сдвинуть с мертвой точки // Жилищная кооперация. 1932. № 21–24. С. 19–20.
- Салова Ю.Г.* Клубная работа с детьми в практике советской школы 1920-х годов // Антропология советской школы: культурные универсалии и провинциальные практики: Сб. статей. Пермь: Пермский гос. ун-т, 2010. С. 152–164.
- Старостин В.* Работа во дворе // Новый Робинзон. 1925. № 9. С. 26–28.
- Студенецкий Н.* Абельмановский форпост // Мейерович М., Студенецкий Н. У нас во дворе. Опыт работы двух московских форпостов. М.: Мосгороно, 1936. С. 24–44.
- Утверждение положения о работе общественных комиссий в домохозяйствах // Бюллетень Ленсовета. 1940. № 36–37. С. 3–4.
- Фомина П.* Как мы помогаем управхозу // Загорный Н. Актив домохозяйств Ленинграда. Опыт работы общественных комиссий содействия восстановлению и эксплуатации домохозяйств. Л.: Лен. газ.-журн. и книжное изд-во, 1947. С. 52–53.